

18+

Алексей Кокорев

Прибежище подонков. Поглощение

Алексей Кокорев

**Прибежище подонков.
Поглощение**

«Издательские решения»

Кокорев А. А.

Прибежище подонков. Поглощение / А. А. Кокорев —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-936391-6

«Прибежище подонков» — основано на реальных событиях. Действия происходят в 2001—2007 годах. Все фамилии и имена изменены. Военная драма.

ISBN 978-5-44-936391-6

© Кокорев А. А.
© Издательские решения

Содержание

Прибежище подонков	6
Часть 1. Кнут без пряника	6
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Прибежище подонков. Поглощение

Алексей Александрович Кокорев

© Алексей Александрович Кокорев, 2019

ISBN 978-5-4493-6391-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Прибежище подонков

Часть 1. Кнут без пряника

Между Поволжьем и Уралом не далеко от границы с Казахстаном есть не большой забытый богом городок. В этом городе состоящим по большей части из одноэтажных домишек, почти не было общественного транспорта. Три автобусных маршрута пролегалo через весь город, эти маршруты не значительно отличались друг от друга, где то они совпадали и вновь расходились. Производство в городе постепенно отмирало, перчаточная фабрика прекратила свое существование, лишь спиртоводочный завод продолжал выпускать своё пойло. Жители города считали водку местного розлива высокого качества, так как сравнить её было не с чем. В местные магазины товар завозился самый дешёвый по причине бедности населения, разнообразием они так же не могли похвастаться.

Неизвестно, где работали горожане, работы в городке было очень мало. Если не говорить о производстве, количество магазинов можно было пересчитать по пальцам. Были в городе и бары, их было пять, посещать такой бар было мукой, по причине лицемерия в любой день недели одних и тех же посетителей. Возникло ощущение, что, кроме сидящих в баре, других людей не существовало и это сильно портило настроение.

Кроме одноэтажных домишек в городе был микрорайон, состоящий исключительно из пятиэтажек, нет, это не были «хрущёвки», эти дома строили неизвестно какие криворукие рабочие, неизвестно по каким бездарным проектам. Стены квартир в этих домах были безобразно кривые, местами были заметны полукруги и выпуклости, комнатухи имели мизерный метраж, как будто их строили для карликов. Полы квартир были выложены обыкновенными досками, выкрашенными в ядовито коричневый цвет. Надо заметить, что в какую квартиру вы бы ни зашли, везде был один и тот же вид. Жители пятиэтажек не могли себе позволить ремонт, так как стройматериалы в город просто не завозились, по причине всё той же бедности и невозможности предпринимателями реализовать материалы для ремонта. Дворы домов не были заасфальтированы, вместо асфальта лежали строительные плиты, швы между плит прокладывались красным кирпичом. На дорогах, по обочинам отсутствовали бордюры, там где заканчивался асфальт начиналась земля. Осенью во время дождей и весной когда тает снег на дорогах лежала жидкая грязь вперемешку с щебнем, этой жижей был покрыт весь город, не существовало даже островков чистоты. Летом в ветреную погоду поднимались огромные клубы пыли, её было настолько много, что она ощущалась на зубах.

В городе была проблема с водой, нет вода, конечно, была, вот только её качество оставляло желать лучшего. Если налить из крана в стеклянный стакан воды, то через стекло можно было увидеть её рыжий цвет где угадывались соринки, оседавшие на дно. Горожане пили эту муть и для них это качество считалось нормой, с самого рождения они не видели воду прозрачней этой. Местные, общественные бани не могли похвастаться своим сервисом, кроме ржавой воды и убогих тазиков со времён коммунизма, были ещё унылые раздевалки с грязными шкафчиками, запах сырости и плесни летал в воздухе. Человека, приехавшего из другого региона, шокировал город своей дикостью, отсутствием цивилизации, местное телевидение работало три часа в день, радиоволна была в единственном числе, по ней транслировались старые вышедшие из моды мелодии. Бывало, что в радио эфире слышались пьяные голоса просившие поставить какую-то песню, да пьяных пускали в эфир, потому что кроме пьяных не звонил никто. Развлечений в городе не было никаких, провести свободное время было негде, лишь летом горожане спешили к речке, на пляж что бы искупаться и позагорать. С трудом это можно назвать пляжем, песок на нём был серо – грязного цвета, а вода в восьмидесяти метровой

ширины речке была рыжей, она несла потоки грязи, той самой, которая текла в водопроводе города. Люди купались в этом потоке и считали, что отлично проводят свое время. Грязь была повсюду, везде, от неё нельзя было скрыться, она преследовала, проникала в одежду, в волосы, ощущалась на губах.

Существовал ещё один микрорайон, он состоял из дорогих коттеджей и находился чуть в стороне от города. В этом микрорайоне жили только нефтяники, жизнь там была совсем не похожая на ту, которая протекала в городе, в нём царил достаток и сытость. Туда не ходил общественный транспорт, туда не мог попасть случайный прохожий, туда мог попасть только владелец коттеджа на личном автомобиле. Нефтяники не считали денег, нужно было в доме достроить баню с бассейном – не вопрос, они тут же выстраивались и неважно, сколько это стоило, главное – желание собственника, других преград не существовало. Таким выглядел город, удаленный на огромное расстояние от развитых районов и перспектив на его развитие не было никаких.

На окраине находилась воинская часть, обнесённая кирпичным забором. Эта часть жила отдельной жизнью, не влияющей на жизнь города. Город также не влиял на жизнь военных, как будто два разных государства находились по соседству и граничили друг с другом. За забором в военном городке царил порядок и чистота, бордюры были выкрашены в кипельно белый цвет, зелёные деревья дарили прохладу и свежий воздух, загораживая казармы и штаб от солнечных лучей. Огромный по своим размерам плац размещался в центре части, на нём проходили построения, в праздничные дни раздавали перед строем награды и почётные грамоты, выделяли лучших и желали успехов в службе. В глаза бросалась чистота и педантичный порядок, аккуратно выкрашенные парадные входы в здания, а возле них клумбы с цветами, но на самом деле за порядком пряталось то, что не уловить с первого взгляда. Человеческие отношения между людьми скрывали совершенно другую картину, отличающуюся от внешнего облика.

...

Летняя ночь вступила в свои права. Темнота этой ночи давила на поверхность земли. Мрак окружил старое двух этажное здание окна которого были открыты. В окна пробивался лунный свет освещавший множество спящих тел на железных кроватях. Некоторые из этих тел издавали мощный храп. Огромное помещение с этими спящими телами делил пополам широкий коридор. В одном конце коридора стоял телевизор на старенькой обшарпанной тумбочке, другой его конец уводил за пределы этого помещения, где располагались несколько маленьких комнат запирающиеся на ключ на ночь. Дверь одной из комнат была открыта, в ней горел свет, а за письменным столом у открытого окна склонилось мускулистое тело, одетое в штаны цвета хаки заправленные в берцы и такого же цвета майку. Это было пятое по счету дежурство, но, несмотря на это, спать хотелось сильнее, чем первый раз. Чтобы не заснуть, нужно было себя чем-то занять и лейтенант Рязанов сел писать план – конспект. Его рука старательно выводила буквы на клетчатом листе тетради, он был поглощен работой и, казалось, не слышал тихо играющей мелодии из приемника стоящего на большом железном сейфе в углу канцелярии. Над сейфом висела полка со стоящими в ряд уставами и учебными пособиями. Рядом с дверью на вешалке висели сумки с противогазами офицерского состава. За стеной находилась канцелярия соседней батареи, она была зеркальным отражением той, где сидел Виктор Рязанов. Там мирно спал на солдатской кровати его товарищ по службе лейтенант Смирнов. Двое лейтенантов после выпуска одного и того же военного училища попали служить в одну часть, в один дивизион, но в разные батареи. Лейтенант Смирнов был холост, и по этой причине ему не досталось место в общежитии, в первую очередь командование части старалось туда заселять семейных офицеров. Шла третья неделя таких ночёвок и каких либо перемен с решением жилищного вопроса не намечалось. В маленьком городке где располагалась воинская часть военных не любили, эта нелюбовь распространялась только на офицеров. Им не сдавали жилье, при встрече на улице брезгливо отворачивались по непонятной причине. Молодые лейтенанты

ещё не знали, что в городе можно было легко нарваться на конфликт, и для этого не обязательно было грубить, ссора могла произойти на ровном месте, без каких либо причин. Враждебность местных жителей с которой столкнулся Сергей Смирнов действовала на нервы, он чувствовал себя чужим и ненужным в этом городе и лишь в воинской части не ощущал негативного давления. Лейтенанту Рязанову повезло больше, он был женат, ему выделили комнату и может быть по этому он не замечал негативного настроения населения.

Стрелки часов на стене показывали четверть второго. Рязанов взглянув на часы положил ладони рук себе на затылок и прогнулся в спине, одновременно зевая. Решив проверить службу наряда он встал со стула, не спеша, разминая руки и тело, вышел в коридор. Дневальный стоя на тумбочке возле двери канцелярии увидев лейтенанта вытянулся струной, показывая всем своим видом что и в мыслях не было опереться на стену с закрытыми глазами. Лейтенант хотел его спросить о чем то, но услышав льющуюся воду в умывальнике решил туда заглянуть. Появившись в проходе большой комнаты обложенной белым кафелем, где по периметру выстроились раковины с кранами, он увидел худенькое тельце в военных синих трусах. Рядовой Синеца возился в одной из раковин, вода в кране издавала характерный звук. Руки солдата интенсивно работали, будто он что-то хотел оттереть.

– Товарищ солдат, почему не спите? – был задан вопрос холодным голосом.

Солдат от неожиданности резко обернулся, в руках у него был зажат серый комок, весь его худенький торс был усеян водяными каплями.

– Я постираться хотел – растерянно произнес рядовой Синеца.

Лицо солдата было так же покрыто каплями и это насторожило Рязанова. Опыт прошлой курсантской службы подсказывал, что ночные постирушки происходят не просто так. Подойдя вплотную к солдату, лейтенант заглянул ему в глаза:

– Чье белье стираем?

– Своё, – стараясь, как можно увереннее выдал рядовой.

– Ну, брат, так мы будем долго беседовать. Давай-ка я тебе помогу ускорить процесс выдачи информации – с этими словами Рязанов вытащил из рук Синецы серую тряпку и встряхнул ее. Тряпка расправилась и превратилась в китель. Отойдя на шаг назад от солдата, и смерив на глаз его размер, лейтенант заключил:

– Велика кольчужка то. Ты за ночь так похудел что ли?

Рядовой опустил голову и тупо смотрел в пол. Сказать было нечего, ясно было даже ребенку что вещь, которую он стирал – чужая.

– Так, с кителем мы определились, что он не твой, теперь переходим ко второму вопросу. Чье имущество? – задавая вопрос, молодой лейтенант переложил китель в правую руку с которого капала вода на чисто вымытый пол.

Для рядового Синецы ситуация развивалась стремительно, мозг не успевал соображать как поступал новый вопрос от начальника. Его тело стало деревянным, а тяжесть вопроса висела в воздухе, давила на затылок и плечи, длинные, худые руки плетями висели едва касаясь оголенных ляжек. Возникло очень сильное желание лечь в свою кровать, накрыться одеялом с головой и что бы ни кто не задавал никаких вопросов. Он так же понимал, что уйти никуда не сможет и чем закончится разговор неизвестно. Вода продолжала бежать струёй из крана, падая в раковину и разбиваясь о неё, брызгала на худое тело.

– Ты меня слышишь? Чей китель? – снова спросил Рязанов.

– Мммой. – еле слышно промычал солдат.

Разговор зашел в тупик, а проблему лейтенанту нужно было как то решать. Виктор лихо-радочно обдумывал свои дальнейшие действия, нужно было вытянуть из рядового фамилию обидчика во что бы то ни стало, с первых дней службы на новой должности нужно было себя зарекомендовать как человека который может докопаться до истины. От этой минуты зависело

многое – его будущий авторитет. В голове лейтенанта родился план действий, глядя на худощавого рядового, он громко крикнул:

– Дневальный!

Тут же как из под земли в дверном проёме появился солдат с пустым ведром в руке. Поразительная скорость появления объяснялась тем, что солдат подслушивал стоя у дверного косяка. Это не осталось незамеченным. Не дожидаясь доклада Рязанов обратился к подслушивающему:

– Подавай команду «Подъем» для первой батареи! Бегом выполнять!

Какое-то время дневальный колебался от неожиданной команды, затем бросился бежать в расположение. Лейтенант быстрым шагом направился туда же, за ним на негнущихся ногах побрёл Сеница. Дежурный свет тускло падал на спящие тела. Команда «Подъем» была подана не достаточно громко, солдаты продолжали лежать в своих кроватях. Дневальный прослужил слишком мало чтобы поднимать старослужащих, поэтому сильно опасался гнева сонных «дедушек» не смотря на то что рядом находился ответственный офицер. Рязанов подойдя к кровати старшего сержанта Галлиулина начал его тормошить и увидев как тот открыл глаза произнес серьёзным голосом:

– Поднимай батарею у нас ЧП!

Галлиулин нехотя подчинился приказу, одев военные тапочки и шаркая ими по полу, он поочередно будил зам. командиров взводов, вяло объясняя требование нового командира. Спустя несколько секунд в движение пришла вся левая сторона расположения, большая площадь усеянная телами зашевелилась. Правая сторона продолжала спать глубоким сном, команда «Подъем» её не касалась.

– Батарея! Строится в коридоре в две шеренги. Форма одежды номер четыре.– скомандовал лейтенант.

Послышалось раздражительное бурчание, солдаты одеваясь и застёгиваясь на ходу, выходили в коридор с нескрываемым возмущением. Лейтенант, наблюдая за неспешными движениями подчинённых, подошёл к стене и нажал выключатель. Мгновенно коридор осветился, стало видно недовольные сонные лица. Спящие на ходу люди, тёрли глаза, обсуждая между собой причину ночного подъёма, абсолютно не скрывая при этом своей раздражительности. Через некоторое время, первая батарея стояла построившись. Все стояли молча и ждали разъяснений по какому случаю их подняли. Солдат Сеница натянул штаны с сапогами и майкой, но своего кителя найти не смог, так он продолжал метаться вокруг табуретов и кроватей. Рязанов взял свободный табурет стоящий в проходе и поставил его рядом с собой, а мокрый китель положил сверху.

– Рядовой Сеница ко мне! – приказал командир, показывая при этом пальцем с боку от себя. Сеница встал таким образом, что табурет с мокрым кителем оказался перед ним.

– Первая шеренга три шага вперед, вторая на месте! Кругом! – продолжал командовать лейтенант, внимательно наблюдая за подчинёнными.

Солдаты с неохотой подчинились командиру, их движения говорили об одолжении лейтенанту, в воздухе чувствовалась напряжённость. Образовав живой коридор из двух шеренг подчинённые смотрели друг на друга не понимая что происходит. В тоже время каждый осознавал, что ночной подъем случился не просто так, для этого нужна была какая-то серьёзная причина. От командира взвода веяло уверенностью и силой лидера, а так же мощью физической силы, всё это вместе в совокупности заставляло солдат подчиняться не смотря на своё недовольство. Будь командир по слабее духом никто из первой батареи и не подумал бы встать ради ночного построения. Дисциплина в подразделении находилась на низком уровне, именно это и создало благодатную почву для неуставных взаимоотношений.

– Значит так товарищи солдаты, сегодня ночью рядовой Сеница стирал чужой китель – начал свою речь Рязанов проходя по коридору между двух шеренг.

– Как вы все понимаете, стирал он не по собственному желанию, а только потому, что его кто-то из вас, здесь стоящих, заставил. Я советую добровольно признаться тому, кто это сделал, в противном случае последствия могут быть на много хуже. Даю одну минуту на раздумье, можно сказать, что у виновного есть шанс на смягчение наказания.

Прогуливаясь между двух шеренг командир закончив речь встал рядом с Синицей и засек время на своих часах. Стрелка медленно двигалась по циферблату, а батарея молчала, все как один уставились в пол, понимая, что процедура затягивается на неопределенное количество времени. Никто из стоящих не хотел быть стукачом и каждый приготовился к бессонной ночи. В воздухе повис психологический вопрос противостояния, кто кого пересилит, кто первый сдастся. Рядовой Синица сгорал от стыда и обиды, его организм посылал сигналы в мозг что он не должен вот так стоять и краснеть за свою слабость. К горлу подступил комок который мешал дышать. «Скорее бы все это закончилось» проносились мысли солдата одновременно замечая на себе изредка брошенные взгляды сослуживцев. Порой в строю слышалось цыканье старослужащих, это означало: «Да обычное дело, первый раз что ль такое? Ничего ты не добьёшься этим построением, ни кто не признается».

– Ну что ж, минута истекла, а виновник так и не воспользовался шансом – подвёл итог командир взвода.

– Если быть честным, то я не удивлён, обыкновенная трусость.

После сказанных слов Рязанов заметил стоящего в одной из шеренг крепкого телосложения смуглого рядового, на его груди еле сходилась китель, а рукава были подозрительно узки. Не смотря на то, что виновник явно выделялся из остальных стоящих в строю Рязанов решил продолжить задуманную тактику действий.

– Военные билеты к осмотру – командир внимательно наблюдал за действиями подозреваемого.

– Клеймения к осмотру – лейтенант ждал когда батарея расстегнет свои кителя и представит номера выведенные белой краской на внутренней стороне кармана. Номер владельца военного билета должен совпадать с номером его же кителя, именно эти совпадения хотел проверить лейтенант. Пройдя первую шеренгу и убедившись, что обмундирование соответствует владельцам, перешел ко второй шеренге. Смуглый здоровяк заметно начал нервничать по мере приближения лейтенанта, но вот очередь дошла и до него. Все время проверки Рязанов следил за поведением предполагаемого виновника, надо признаться, что тот старался изо всех сил сохранять спокойствие и иногда ему это удавалось. Взяв в руки военный билет подчиненного, командир прочитал фамилию, имя, отчество и дату призыва. Взглянув на разворот кителя, все встало на свои места, номер не соответствовал.

– Рядовой Абубакаров как вы объясните что на вас чужое обмундирование? – Рязанов надеялся в глазах подчиненного найти хоть немного раскаяния, но тот изобразил невозмутимость.

– У меня кто то взял китель и я его не смог найти – заученной фразой ответил здоровяк. Актер большого театра мог бы позавидовать с какой уверенностью этот индивидуум врал.

– И твой китель, наверное, взял рядовой Синица и приняв его за свой решил постирать имущество? – попытался угадать мысль командир за Абубакарова.

– Наверное – последовал убедительный ответ.

Вдруг в глазах Абубакарова потемнело, а в ушах неприятно зазвенело. Стоящие шеренги вздрогнули от звука мощной пощечины. Рязанов вложил в этот удар все свое раздражение и злость от такого вранья. Большая пятерня прилась точно по левой щеке рядового и тот еле устоял на ногах. Ударить солдата не входило в планы, но невозмутимость с которой врал Абубакаров настолько вывела из себя офицера, что тот не сдержался. Никто не слышал, как открылась дверь соседней канцелярии и оттуда вышел сонный лейтенант Смирнов.

– Что за шум? Чего не спите? – поинтересовался он у Рязанова.

– Да вот – показывая рукой на виновника, продолжал командир – Товарищ Абубакаров хочет ходить в чистом белье, только он убежден, что за его чистотой должны следить его товарищи по службе. То есть его чистоту должен кто-то поддерживать только не он сам, в его обязанности это не входит.

– Я все правильно говорю? – обратился лейтенант к Абубакарову.

Солдат стоял с красным от злости лицом, он хотел кинуться на командира, вцепиться ему в горло, но стоящий рядом Смирнов своим присутствием подавлял это желание заведомо проигрышным результатом. Солдат от ярости тяжело дышал, стиснув зубы. Рязанов взял мокрый китель со стула развернул его, сравнил для точности номер с военным билетом, он совпадал.

– Одевай! – командир протянул мокрую тряпку Абубакарову.

Взгляды стоящих солдат были устремлены на виновного. Два офицера тоже смотрели на Абубакарова, они ждали какая реакция на всё это последует. Также в их глазах выражалась готовность силой одеть мокрое обмундирование на солдата, если последует неповиновение и это яснее ясного понимал подчиненный.

Время шло, первым не выдержал Абубакаров, нервы сдали. Он стал раздеваться. Китель Синицы был снят и повешен на душку рядом стоящей кровати. Его рука потянулась за мокрым кителем, насколько возможно медленно он взял его из рук Рязанова пытаясь оттянуть время позора. Пыхтя и корчась от злобы, он одевал мокрую тряпку на голый торс. Солдаты и сержанты стоящие в строю не верили своим глазам, никто из них ни разу не видел наказания комбатом Абубакарова, а тут два молодых лейтенанта справились с ним в течении нескольких минут.

После того как виновник оделся в мокрое, Рязанов вернул Синице его собственность. Разрешив солдату встать в общий строй, рядовой натянул китель и встал на линию, к своим товарищам. Стоя рядом с остальными в одной шеренге ему стало немного спокойнее, он уже не выделялся как белая ворона, а вроде бы был как все.

– Товарищи солдаты, завтра же об этом случае я буду вынужден доложить командованию и рядовой Абубакаров понесёт заслуженное наказание. В дальнейшем все попытки подобного рода действий будут жёстко пресекаться. Я не советую кому-либо из вас проверять это на практике. И как только в ваших головах появится дурная мысль, гоните её сразу ибо последствия могут быть очень печальными.

Командир взвода обращался к стоящим в строю, пытаясь заглянуть каждому слушающему в глаза, проверяя тем самым доходит ли его мысль до подчиненных. Сергей Смирнов облокотившись о стену, внимательно смотрел и слушал, как его товарищ выполняет свою работу. Надо отдать должное: у Рязанова всё получалось, солдаты впитывали слова, это было заметно, кроме того всё ощущалось психологически. Что бы впредь подчиненные понимали что связываться с молодым лейтенантом и проверять его слабые места нельзя, Рязанов затянул свой монолог более чем на пол часа. Все хотели спать, до каждого стоящего дошло, что новый командир будет крепче духом, чем предполагалось изначально. Даже комбат не закатывал таких лекций о дисциплине, об уголовной ответственности и моральной стороне подобных поступков. Не привычно было все это слушать, ни кто до сегодняшней ночи так с данным подразделением не занимался.

Наконец воспитательная лекция была завершена, подводя итог, лейтенант задал вопрос:

– Всем всё понятно?

– Так точно – дружно ответили уставшие от ночной воспитательной работы подчинённые.

– Раз всем всё понятно, тогда «отбой». Чего стоите? Команда «отбой» была.

После этих слов стоящий строй как ветром сдуло. Заскрипели стулья и железные кровати от погружающихся на них уставших, сонных военных. Рядовой Синица наконец-то обрел кратковременное счастье, он был уверен что до утра его точно никто не тронет. Через какие-то мгновенья наступила тишина, как будто и не было ночного подъема, лишь Абубакаров скрипел от злобы зубами, лёжа в кровати накрывшись одеялом с головой.

Дождавшись тишины, лейтенанты прошли в канцелярию, где час назад сидел Рязанов за столом и писал свой конспект. Виктор чувствовал, что ситуацию с подчинёнными удалось переломить, но не до конца. В самый критический момент их было двое, но какое было бы развитие, если бы он был один? Мешала мысль, что борьба за авторитет не окончена, скорее всего, в будущем будет как минимум ещё одно подобное противостояние. Лейтенанты, пообщавшись немного на тему произошедшего, решили разойтись по своим спальным местам, до подъема оставалось всего три часа.

...

Каждое армейское утро, за исключением воскресенья, начиналось с зарядки. Летом солдаты выходили строиться на улицу с голым торсом. После доклада сержантов ответственному офицеру о том что не законно отсутствующих нет, подразделения пробегали около трёх километров и возвращались в казарму, что бы умыться и одеться, привести свой внешний вид в порядок. Согласно распорядку дня далее следовал «утренний осмотр», где выявлялись и тут же устранялись недостатки по внешнему виду того или иного военнослужащего. Кроме этого в книгу записи больных записывались те кто неважно себя чувствует, а затем отправлялись к врачу на осмотр в лазарет. Наконец после всего перечисленного следовал завтрак, для солдат это были приятные минуты, именно в это время утолялся голод. Молодой организм требовал пищу и когда он её получал, солдат психологически успокаивался на несколько часов, но часа за два до обеда снова начинало сводить желудок от голода и кроме как о еде невозможно было ни о чём другом думать. Эта проблема беспокоила каждого вне зависимости кто и сколько прослужил, мысли о еде всегда сидят в голове солдата, он с этой мыслью ложиться спать и с ней же просыпается.

В каждой воинской части существовало неписаное правило, оно заключалось в том что молодняк отдавал старослужащим часть своей пайки. Это могло быть масло, хлеб или чай. Салага во избежание конфликта отдавал то что от него требовали, только после этого была какая то степень гарантии, что его не поднимут по среди ночи для разбирательства. Абубакаров не мог упустить возможности набить свой желудок за чужой счёт, каждый приём пищи он собирал дань с вновь прибывших на службу молодых пареньков. Вот и в это утро он подал условный знак рядовому Синице сидящему от него через стол. Этот кивок головы заметил Рязанов мгновенно он оказался рядом для того что бы посмотреть что будет происходить. Тут же смуглый здоровяк подал знак движением одних только глаз чтобы Синица не дёргался и всё съел сам, дабы не выдать его намерений командиру взвода. Попытка обобрать товарища сорвалась, это жутко раздражало нарушителя дисциплины. С появлением молодого лейтенанта в батарею Абубакаров чувствовал дискомфорт и с этим не хотел никак мириться. Он старался скрытно нарушать установленные правила, но с каждым разом становилось труднее это сделать и вот этой ночью он попался. Он уже обдумывал варианты вранья, которыми будет оправдываться перед своим комбатом. Ничего стоящего и убедительного найти пока не удавалось и это беспокоило, злило, лихорадило внутри. Из-за стола пришлось встать не достаточно сытым, его организм привык получать гораздо большее количество калорий.

Одна за другой батареи покидали строем столовую, приближаясь к месту построения всего дивизиона. Времени еще оставалось достаточно до построения на занятия и солдаты после команды сержантов «Разойдись» направились небольшими группами к курилке. Закуривая казённый, вонючий табак вёлся разговор на разные темы: о «подвигах» на гражданке, о похождениях по женщинам, о том какие у кого остались на гражданке не законченные дела, о том кто их ждёт или не ждёт.

Пока военнослужащие ожидали развода на занятия, Рязанов докладывал о ночном происшествии начальнику штаба дивизиона. Весь разговор между начальником и командиром взвода проходил в комнате досуга, двери которой были плотно закрыты.

– Так, значит наш, когда-то молодой, Абубакаров начал пёрышки распускать? – подытожил капитан Каримов.

– Ты своему комбату доложил?

– Нет, он еще не прибыл на службу? – констатировал факт Рязанов.

– Значит, опять опаздывает, вот именно по этой причине в вашей батарее происходят ЧП одно за другим. С себя нужно начинать и только потом требовать что-то от подчиненных – в голосе начальника штаба чувствовалась злоба.

– Ну, ничего, дурь то я из этого индивидуума выбью, я то справлюсь, а вот как с подразделением вашим быть лейтенант? Ведь полная анархия царит. Не в тебе конечно дело. Да что я с тобой разговариваю, ты человек новый и тут вообще ни при чём. Мне твой начальник нужен – Ирик Каримов ходил перед лейтенантом как маятник, раздражаясь всё больше и больше что то обдумывая. Вдруг он встал в центре комнаты повернулся к лейтенанту и буквально заорал ему в лицо:

– Мля, где твой комбат?! Задолбал он уже!

Рязанов понимал, что это эмоции и претензий к нему нет, разведя руками в стороны ничего не смог ответить. Придя в себя от временного помешательства, Каримов вновь обратился к лейтенанту:

– Пошли на построение, может, в строю увидим твоего командира, там и виновника перед строем выведем всем на обозрение, там же объявим наказание.

Выйдя из казармы, они увидели построившийся дивизион. Все офицеры находились рядом со своими подразделениями, командиру дивизиона уже доложили о том что на службе присутствуют все за исключением комбата первой батареи.

Приставив руку к срезу полевой кепки, комдив приказал:

– Офицеры ко мне.

Около пятнадцати человек выстроились перед комдивом в одну линию, едва успев, в строй встали Каримов и Рязанов.

– Где опять черти носят этого Кривошеева? – задал вопрос начальнику штаба комдив.

– Я думаю, что он как обычно опять проспал, если исходить из причин прошлых опозданий. Безответственность, больше мне нечего сказать.

При этих словах Каримов отвернулся от офицеров, показывая тем самым пренебрежение к комбату Кривошееву и его поступку. Капитана тяготила служба с таким комбатом, он этого не скрывал и при случае высказывал своё неуважение лично старшему лейтенанту. Несмотря на внушения которые периодически делались недобросовестному офицеру, его поведение абсолютно не менялось. Всё повторялось изо дня в день.

– У него в батарее ЧП, неуставные взаимоотношения – доложил капитан подполковнику Крайнову.

– Что?! Фамилия негодяя? Кто это такой? – Крайнов буквально закипал от таких докладов, с «дедовщиной» он боролся жёстко. Когда происходили подобные случаи, он незамедлительно наказывал нарушителей. Подполковник потребовал подробный доклад со всеми подробностями от Рязанова, после чего вывел перед строем Абубакарова. Началась комплексная воспитательная работа, начиная от рядового заканчивая офицерами, указывались недостатки и нарушения которые переросли в более серьёзный проступок. Виноваты были все и каждый получил порцию «пилюль». Итогом получасовой беседы было объявление Абубакарову серии нарядов на тяжелую и грязную работу. В связи с отсутствием комбата задача была поставлена Рязанову о выполнении негодяем всех работ и о повышенном контроле за ним. Процедура объявления наказания была завершена, Крайнов хотел было развести всех по местам занятий, как услышал голос Каримова.

– О, нарисовалось красное солнышко! Поглядите на него, даже и не думает пробежаться для приличия.

Длинная, худая, сутулая фигура комбата первой батареи приближалась к месту построения.

– Товарищ старший лейтенант, может быть, вы ускорите шаг? Мы тут вас ожидаем, хоть бы вид сделали спешащего на службу военного – начальник штаба снова раздражался, наблюдая абсолютное безразличие.

Слова капитана подействовали, Кривошеев ускорившись через минуту оказался на одной линии стоящим с младшими офицерским составом.

– Ну что комбат, доигрался? – с ходу задал вопрос Крайнов.

– Ты в курсе, что у тебя ночью молодых поднимают и заставляют стираться старослужащие?

– Да откуда собственно тебе знать? Ты же спишь вместо того что б подразделением заниматься! – Командир дивизиона постепенно делался красным от гнева, выражая своё недовольство. Он встал напротив старшего лейтенанта, жестикулируя руками задавал один вопрос за другим:

– Что Вам помешало явиться на службу вовремя?

– Я допоздна занимался журналами батареи, нужно было исправить недостатки, на которые указал начальник штаба, в результате поздно лёг спать и проспал.

Кривошеев виновато косился на подполковника, ожидая новую порцию гнева. Поспешив перехватить инициативу в разговоре решил сам задать вопрос:

– Разрешите узнать фамилию, кто заставлял стирать вещи? Это была фатальная ошибка.

– Что?! – взорвался Крайнов.

– Это я должен задавать тебе подобные вопросы! Ты обнаглел что ли или переспал лишнего?! Крайнов уже задышался от злости, его трясло, мало того что комбат не контролировал подчинённых он ещё задавал глупые вопросы. Взяв себя в руки, командир дивизиона ледяным голосом обратился к Кривошееву:

– Значит так, ставлю Вам задачу, провести расследование по поводу происшествия, все материалы к 18:00 у меня должны лежать на столе. Вам ясно?

– Так точно! – выдохнул комбат.

– Я Вас лично больше не задерживаю, идите, занимайтесь расследованием и не забудьте – личный состав не должен быть брошен, все запланированные мероприятия с батареей должны быть проведены согласно расписания и распорядка дня.

Кривошеев тут же отправился выполнять указания начальника испытывая некоторое облегчение от того что экзекуция была окончена. Офицеры стоящие в строю сопровождали уходящего осуждающими взглядами. Комбатом первой батареи, старший лейтенант Кривошеев был назначен два года назад и за весь период не проявлял себя с лучшей стороны. У Крайнова не было выбора кандидатов на данную должность, низкая зарплата вместе с высокой ответственностью делали свое дело, офицеры, не успевая поступать на службу, один за другим писали рапорта на увольнение. 2001 год стал особенно критическим, катастрофически не хватало кадров, молодые лейтенанты бежали из армии и удержать или заинтересовать их было нечем. В строю оставались единицы, да и то мало кого можно было назвать образцовыми. От безвыходности ситуации был назначен на должность комбата Кривошеев. Вновь назначенный комбат знал – что бы ни случилось, какое бы нарушение не произошло, как бы он ни выполнял свои обязанности, ему абсолютно ничего не грозит. При острой нехватке кадров никому и мысли в голову не придёт его уволить, поэтому по службе не особо напрягался. В армии среди офицеров такое отношение к своим обязанностям называлось «отбыть номер».

Развод закончился, солдаты занимались обучением на технике, как и было запланировано. Военная жизнь части продолжалась, наряд по столовой кружился как пчёлы, кто то на свежем воздухе чистил картошку, кто то выносил отходы. На заднем дворе хозяйственного блока прапорщик по прозвищу «Бацила» сидел на бревне срубленного недавно сухого дерева.

В его руках вертелся обрубленный черенок от лопаты, это зрелище напоминало тренировку восточных единоборств. Черенок вертелся умело и быстро, чудесным образом описывая траекторию нарушая законы физики. Сам Бацила был небольшого роста, худощавый и жилистый, бритая голова и фикса делала его похожим на зэка, хотя в тюрьме никогда не сидел. Помимо внешнего облика уголовника у прапорщика был еще шипящий голос, когда он разговаривал с каким-нибудь солдатом, последний при разговоре впадал в гипноз. Бацила как кобра гипнотизировал свою жертву заговаривая с ней, солдаты испытывали при общении только страх и переставали соображать, поэтому при разговоре несли обычно чушь, которая очень злила прапорщика. Совершенно не ставилось целью вводить солдат в такое состояние, но внешность была слишком пугающей. Метрах в трёх от тренирующегося стояла походная полевая кухня покрытая сажой и грязью. Верхом на этой кухне с тряпкой в руках сидел Абубакаров, он судорожно оттирал грязь прилипшую с внешней стороны. Наказанный не был исключением, он жутко боялся Бацилу и мечтал только о том, что бы тот молчал и не заговорил с ним.

– Чего ты возишься солдат?! – зашипел Бацила.

– Тряпку чаще мочи и двигаться нужно энергичнее, если так будешь мыть – кухню вымоешь только через три дня! Мне начинают надоедать твои бестолковые телодвижения! Ускорься солдат!

Абубакаров от страха начал нервно дергаться, со стороны было похоже, что у него начался припадок. Рука с мыльной тряпкой нелепо соскользнула с крышки большого термоса и наказанный покатился вниз увлекая за собой ведро с мыльным раствором. Через секунду он лежал уже на земле весь в мыльной пене.

Бацила подбежав к рядовому, схватил его синей костлявой рукой, невероятной силой потянул за шиворот, приведя его в вертикальное положение, и зашипел в ухо:

– У нас нет трёх дней солдат и мыльного раствора тоже больше нет, а есть только вечер переходящий в бессонную ночь. Если ты не будешь спать, то меня это мало интересует, но в таком случае я тоже не увижу койки и вот это меня нервирует. Не доводи меня до греха родной, поверь, я очень не хочу воздействовать на тебя физически. Поспеши за водой и начинай качественно и быстро устранять грязь.

Магия сказанных слов подействовала моментально. Абубакаров самолетом слетал за водой и завёлся пчёлкой вокруг кухни. Тряпка без мыльного раствора летала по стальной поверхности наводя странным образом чистоту. Едва закончился день, виновник на дрожавших от усталости ногах появился в казарме, где нос к носу столкнулся с Каримовым. Результатом этой встречи была получена новая задача – мытьё туалета до полного блеска. Положение отягощалось ограниченным количеством времени за которое нужно представить блестящий сортир начальнику. Абубакаров нисколько не меньше Бацилы боялся Каримова. Начальник штаба в гневе превосходил любого офицера части поэтому злить его было опасно. Даже если собрать всю часть и поставить в противовес, то Каримов выиграл бы по всем параметрам, его превосходство было прежде всего психологическим, интеллектуальным, а так же физическим. Он был среднего роста, мощный торс слегка начал заплывать жирком, но горе тому кто в этом видел физический недостаток и решал опробовать свои силы на нём. В прошлом Ирик Каримов был десантником поэтому физическая подготовка была на высоком уровне. Младшие офицеры гадали каким образом Ирик попал в реактивную артиллерию, спросить об этом напрямую было не удобно, да и ответа могло не последовать, так что этот факт из жизни начальника штаба оставался загадкой.

Пройдя в свою канцелярию Ирик ждал вечернего доклада комбатов о том что поставленные задачи на день выполнены. Открыв окно он уселся на свой стул стоящий возле рабочего стола на котором стопой лежали проверенные журналы батарей, тут же лежал исписанный наполовину ежедневник в котором отражались все моменты требующие внимания касающихся

службы. В дверь постучали и вошли один за другим комбаты, вместо Кривошеева вошёл Рязанов.

– Где комбат? – сразу был задан вопрос командиру взвода.

– Представляет комдиву результаты расследования ночного происшествия – отрапортовал Рязанов.

– Хорошо, начнём без него, не велика потеря. Все поставленные задачи на день буду спрашивать с тебя лично. Готов ответить?

– Так точно – твердо ответил молодой лейтенант.

– В таком случае начнём.

Лёгкий летний ветерок колыхал казённые шторы висящие за спиной Каримова, разговор вёлся между сидящими за столом. Выслушав доклады командиров, Ирик заговорил о предстоящем полевом выходе, он напоминал комбатам о том что нужно проверить имущество которое понадобится: палатки, настилы, топчаны, инструмент, требовалось подготовить технику. Нужно помимо прочего решить, кто из солдат останется в части для несения нарядов, планировалось подготовить списки фамилий. Горючее было отдельной темой, его должно было хватить на полтора месяца, перебоев не допускалось, путёвки на технику требовалось привести в порядок. Обеспечение продовольствием так же требовало внимания, полевая кухня должна была работать исправно и кормить весь лагерь.

Совещание было окончено и начальник штаба распустил командиров. Последним выходил Рязанов, не успев переступить порог, он услышал голос Каримова.

– Стоять лейтенант! С тобой я не закончил.

Убрав ногу с порога Рязанов закрыл дверь и вернулся к столу. Ирик внимательно смотрел на подающего надежды командира, его левую бровь пополам делил тонкий шрам, восточные глаза внимательно оценивали Рязанова – стоит ли вести с ним серьёзный разговор. Пауза затянулась, командир взвода не решался её нарушить. Каримов потянулся рукой к сейфу стоящему с боку от него и достал оттуда бутылку водки, поставив её на стол обратился к ожидающему:

– Чего встал? Садись, разговаривать будем.

Тут же на столе появились гранёные стаканы, буханка хлеба и банка тушёнки. Рязанов смотрел на скудный набор предметов для предстоящего разговора и не понимал какая тема будет подниматься. Он пытался угадать но ответов не находил, вертелась одна мысль в голове «Накосячить вроде бы нигде ещё не успел». Разлив водку по стаканам, Каримов опрокинув содержимое внутрь, закусил тушёнкой. Рязанов повторил за начальником все действия и поставил пустой стакан перед собой.

– Продолжаем разговор – выдохнул наконец Ирик.

– Видели бы сейчас нас с тобой родители этих солдатиков – Ирик тыкал пальцем в сторону двери.

– Ууух они бы завопили – «Офицерня пьёт в казарме, а потом наших мальчиков идут воспитывать – кошмар. Их уволить всех надо, а лучше судить.»

– Ууух что бы началось... Да, лейтенант?

Рязанов молчал не понимая куда Каримов клонит.

Дело было в том, что за два часа до совещания к нему в кабинет ворвалась неадекватная мамаша одного из рядовых. Её сын проходил службу в одной из батарей дивизиона и жаловался ей на то что ему не хватает еды. Каримов пытался успокоить мамашу, объяснял что нормы питания в среднем для всех одинаковы, но если её сын ростом под два метра, то ему положена порция больше и этот вопрос он возьмет на контроль. Все старания вернуть истеричную женщину в нормальное состояние были тщетны, Каримов вспотел и покраснел от внутреннего напряжения, лояльность ничего не дала. Женщина не слушала, лишь продолжала обвинять и оскорблять всех чья фамилия была ей известна, крики были слышны на улице, не смотря на то что дверь в канцелярию была закрыта. Она стояла перед Каримовым и требовала, требо-

вала, требовала. Когда чаша терпения переполнилась капитан набрал воздуха столько сколько было возможно и заорал в лицо:

– Вон из воинского подразделения!!! Посторонним здесь категорически запрещено находиться!!!

Женщина замерла, попятилась назад, на этот раз тихо объявила что идёт к командиру части и исчезла за дверью. Не успела дверь закрыться как начальник штаба с красным лицом от злости распахнул дверь и кинулся к КПП. Добежав до него, выволок дневальных за шкуру, тут же построил и в нецензурной форме прочитал лекцию о пропускном режиме. Пока чуть не плачущие солдаты слушали капитана, начальник КПП прапорщик лет тридцати, прятался в комнате отдыхающего наряда. Ему было сложно объяснить Каримову, что не пропустить истерику у него не получилось, она визжала и тянула к нему руки, пыталась изо всех сил выпарапать ему глаза. Теперь он тихо сидел под окном и слушал отборный мат старшего начальника. После того как Ирик выпустил пар ему удалось взять себя в руки и вернуться в казарму, но в душе где то глубоко бушевал пожар и молнии били в мозговую подкорку.

– А знают ли они, что некоторые их сыночки потенциальные уголовники, а? Если бы у меня была видеокамера я бы такого им наснимал, а после устроил для них кино показ. Я тебя уверяю, что мамаш выносили бы без чувств из этого кинозала. Хотел бы я пообщаться с отцом Абубакарова, только он почему-то сюда не едет. Интересно по какой причине? Ему что безразлична судьба сына? Лично я направлял ему три письма, а ответа всё нет и нет.

– Комитет солдатских матерей создали – ха... Чего они хотят? Превратить армию в детский сад? Армия место для мужчин, тут нет места соплям. Женщинам не стоит сюда совать свой нос, а то так и до развала не далеко. Да лейтенант? – Ирик возбуждённо ходил взад вперёд перед командиром взвода.

Рязанов продолжал молча сидеть, в голову ударил алкоголь, приятное тепло разливалось по всему организму, вместе с тем он продолжал внимательно слушать Каримова.

– Ты знаешь, что сейчас ходят разговоры об отмене гауптвахты? Нет? А куда я буду сажать таких как Абубакаров? Его получается и арестовать будет нельзя? А подобных ему куда деть, как воспитывать?

– Я ничего такого не слышал, даже не знаю что сказать – впал в ступор лейтенант.

Видимо сказанное не закрепилось в сознании поэтому пропустив слова мимо ушей начальник штаба продолжал изливать душу.

– Ну-ка скажи мне, нужна ли дедовщина в армии или нет? – неожиданно задал вопрос Ирик сидящему напротив захмелевшему Рязанову.

– Нет. Это неуставные взаимоотношения они запрещены уставом.

– Ну и дурак. Смотря какая дедовщина. Если такая которая случилась сегодня ночью, то однозначно нет. Стирать чужие вещи это гадость, калёным железом буду выжигать это явление. Существует другого рода дедовщина, сейчас объясню какая. Наливай, я что ль должен следить за стаканами.

Рязанов обновил розлив. Снова выпили, закусили. Отправив горячую жидкость внутрь Ирик крикнул, ему становилось жарко, сняв китель он повесил его на спинку стула. Оставшись в майке начальник продолжил объяснение:

– Представь что в армии полностью искоренили дедовщину, нет её, всё кончилось. Кто будет обучать молодых солдат? Заметь что у всех разные должности: водители, командиры отделений, наводчики, топогеодезисты. Ты что ли будешь со всеми нянчиться? Тебя на всех не хватит физически. Занятия конечно провести не проблема, а ты им в голову вложи знания так что б они поняли. Не сможешь как ни старайся, поэтому нужен каждому наставник – «дедушка» который передаст опыт молодому. Именно он будет заставлять лезть по технике салажёнка крутить гайки, таким образом у нас постоянно будет подготовка на высшем уровне. Только без мордобоя. Понятно?

– Теперь понятно. В таком случае я согласен. – Рязанову нравился разговор, для себя он открывал что-то новое в службе и в отношениях между людьми.

Каримов встал со стула, подошёл к окну, его взгляд устремился вдаль, будто кого-то искал там. С наружи доносился бой барабана, слышался строевой шаг чеканивший несколько десятков человек, заканчивался развод наряда. Вдруг Начальник штаба резко обернулся склонился над Рязановым сжал перед его лицом кулак и с раздражением произнес:

– Не нравится мне Кривошеев, я бы его поганой метлой выгнал. Да, да я про твоего комбата говорю хотя и не должен этого делать, с младшим обсуждать старшего. Но тут исключительный случай, его не уважают подчинённые да и ему самому всё равно, отбывает номер. Я буду ходатайствовать о твоём назначении на его должность.

– Да я всего-то в части три недели – вскочил с табурета Рязанов.

– А это ничего страшного, от тебя больше пользы за эти три недели чем за два года от Кривошеева. – привёл веский аргумент Каримов.

– Если заняться этим вопросом сейчас, то пройдёт гораздо больше чем три недели. Думаю запросы с других частей могут прийти через пол года, вот тогда то и отправим в какую ни будь часть этого Кривошеева, это вопрос времени. – Ирик вернулся обратно к своему стулу сняв со спинки китель начал одевать его.

– Так не бывает что бы через пол года становились на должность комбата, у меня опыта нет. – пытался возразить Рязанов.

– В этой части всё бывает, у нас кадровый голод. – таким образом начальник штаба на этой теме поставил жирную точку. Вопрос был решён. Ещё никто ничего не сделал, но в пространстве чувствовалось что машина закрутилась и у лейтенанта начался стремительный карьерный рост.

– Через 20 минут сюда постучится Абубакаров и доложит о том что сортир надраен до белизны, в этом я не сомневаюсь ни сколько. Поэтому нам нужно сейчас удалиться до его прихода. – сообщил Каримов.

– Так надо же проверить, а если он обманет? – поспешил с выводом Рязанов.

– Не обманет – твердо заявил Ирик, он был уверен в своих словах и на то были свои причины.

– Махнем ещё по одной и по домам, в таком состоянии нельзя показываться на глаза подчинённым, с нас брать пример должны, а он должен быть только положительным. – обучая лейтенанта Каримов сам разлил по стаканам новую порцию. Они выпили, как положено закусили и направились к выходу. Выйдя из казармы офицеры направились к КПП. Шли молча и думали каждый о своём.

Рязанов не знал, что около полугода назад Каримов случайно ночью зашёл в казарму надеясь обнаружить там тишину и порядок. Каково же было его удивление когда он увидел в одном из окон горящий свет. Поспешив разобраться, офицер зашёл в расположение первой батареи. После увиденного его затрясло от злости.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.